

Литературная страница

У ПИСАТЕЛЕЙ ДОНА

В ШОЛОХОВСКОМ ФАРВАТЕРЕ

АРМЕНИИ С РЕСПУБЛИКАМИ ЗАКАВКАЗЬЯ И РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТЬЮ ОБЪЕДИНЯЕТ ДАВНЯЯ ДРУЖБА, ЭТО ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ, ТРУДОВОЕ СОРЕВНОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВОВ, ВЗАИМОБОГАЩАЮЩИЙ ОПЫТ.

ДРУЖБА ЭТА РОЖДЕНА БЛИЗОСТЬЮ КУЛЬТУР, ИСТОРИИ БРАТСКИХ НАРОДОВ, ИХ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМ ЕДИНСТВОМ. ЭТА ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА ЗНАКОМИТ ЧИТАТЕЛЯ С ТВОРЧЕСТВОМ ПИСАТЕЛЕЙ ДОНА, ЖИВУЩИХ ИНТЕРЕСАМИ СТРАНЫ, ЕЕ СЕГОДНЯШНИМ, ЗАВТРАШНИМ ДНЕМ.

На снимке: Михаил Шолохов и Виталий Зерков на одном из заседаний Ростовской писательской организации.

У ЛИТЕРАТОРОВ Дона есть давняя и неугасающая традиция: в юбилейный год нашего выдающегося земляка, большого писателя современности Михаила Александровича Шолохова подвигают хотя бы краткие итоги литературной деятельности, отчитываясь перед народом за проделанную работу.

Автору «Тихого Дона» и «Поднятой целины» — 75. И мы, по словам Михаила Александровича, «донская рота советской литературы», анализируем свое творчество, хотим видеть его плеск и минусы, реальнее представить задачи на завтра.

Кто из писателей Дона, следование шолоховским традициям означает не замещение тем, идей, художественных приемов, образов, языковых средств, накопленного опыта, а творчество и мастерство поэта, актиная жизненная позиция, острое чувство современности, осознанное стремление помочь своим пером народу в решении многих, и в первую очередь — воспитательных задач, вот в чем мы видим себя продолжателями Михаила Шолохова.

Перед нами эпопея Виталия Зеркова «Сотворение мира», хотя сравнительно и недалеко, но все же прошлое, а мы ни на минуту не можем уйти от ощущения, что и Андрей Ставров, и неугомонный Дугач, и Григорий Долотов все эти долгие годы шли рядом с нами и идут сегодня, и время нас совсем не разделяет, и думы наши, заботы, мечты, надежды — одни. Душевные черты советского характера, общечеловеческие черты, сложившиеся в годы сотворения нового, социалистического мира, укреплялись, приумножались, и совершенствовались в нынешних хозяевах этого мира — наших молодых современниках. Невидимые, но словно бы осязаемые мостики, перекинутые писателем из прошлого в настоящее, глубоко философское исследование человеческих характеров, вдумчивый отбор исторических фактов и неукоснительное следование правде жизни позволили автору «Сотворения мира» создать яркое художественное полотно, по праву считающееся одним из лучших произведений прозы последних лет.

Острым чувством современности пронизаны и произведения Анатолия Калининна. О чем бы он ни говорил в своих романах и повестях — писатель словно бы прислушивается к дыханию сегодняшнего дня. А его очерки и публицистические статьи об Атоммаше и новой Конституции, о волнующих как тогда, так и сегодня проблемах современного села, — все это искренние и страстные думы человека, живущего в гуще повседневных событий и откликающегося на них по зову сердца.

В литературном творчестве, как и в искусстве вообще, определяющую роль играет позиция художника. От того, под каким углом зрения рассматривается и осмысливается писателем жизненный материал, в конечном счете зависит его идейно-художественное воздействие на читателя. В «Осенних кострах» Николай Егоров пишет о самом трудном этапе Великой Отечественной войны — ее начальном периоде. Герои повести — вчерашние школьники, совсем еще «зеленые» необстрелянные бойцы. Но именно они приняли на себя самый первый страшный удар чудовищной гитлеровской военной машины и выстояли. О том, как рано взросло это поколение, — повесть Юрия Дьяконова «Для того, чтобы жить». Говоря о творчестве донских писателей в последние годы, нельзя не упомянуть роман Павла Шестакова «Взрыв», повесть Алексея Корниченко «Твой светлый дом» и роман Игоря Бондаренко «Такая долгая жизнь». Следует также отметить работу писателя Александра Сунцезова: его книги «Стелные орлы» и «Родная Донщина» помогают подрастающему поколению познать свой

родину, приоткрыть завесу над его славным боевым прошлым и по-новому увидеть его настоящее.

Сегодня зовет к себе Волгодонск. И пока незавершенный роман Антона Герашенко «Ярь» и поэма Александра Рогачева «Польня и атом», и новая книга Елены Нестеровой «Апрельская буря» — дань этой актуальной теме.

Как видно из этого краткого и далеко не полного обзора, писатели Дона часто обращаются к моральной проблематике, активно вторгаются в сферу нравственного воспитания. Но чтобы выполнить эти задачи, поставленные перед нами партией, нужно еще строже подходить к своему творчеству, к идейному и художественному уровню своих произведений.

П. ЛЕБЕДЕНКО,
председатель правления Ростовской областной писательской организации.

ДОБРОЕ СЛОВО — ЧТО ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

Так называется сборник произведений армянского фольклора, выпущенный Ростовским книжным издательством в прошлом году и посвященный 200-летию переселения Армян из Крыма на Дон. Составитель, автор предисловия и примечаний — редактор районной газеты Мясниковского района Ростовской области Шаген Шагинян. Более трех десятилетий он посвятил собиранию и популяризации местного народного творчества донских армян. За это время им написано около 2000 словес и поговорок, 30 рассказов, которые вошли во вторую книгу серии «Армянская этнография и фольклор», много песен, сказок, заклинаний, загадок.

В 1973 году в Ростовском книжном издательстве вышел его сборник пословиц и поговорок донских армян «Дерево сильно корнями». Новая книга — первая попытка познакомить русского читателя с наиболее популярными жанрами богатого и самобытного фольклора донских армян. Сборник содержит словарь непонятных слов, сведения о сказителях. Так, мы узнаем, что Антон Парандом Григоровна, предостанавляя ряд пословиц, поговорок и загадок, — представительница одной распространенной в Чалтыре династии, родословное дерево которой было нарисовано народным художником СССР М. С. Сарьяном со дня его переселения из Крыма и до 1921 года. А, скажем, фольклорный песенник, сказитель и фольклорист Аик Давукович Согомонян в Институте этнографии и археологии АН Армянской ССР имеет свой фонд. В примечаниях находим не менее интересные сведения. Оказывается, «Сказка об Арв-Мануке» была записана поэтом Рабаэлом Патканяном еще 12 февраля 1875 года для собрания «Материалы для изучения армянских наречий. Нахчеванский говор». На оригинале рукой поэта сделана пометка: «Рассказала орчи (крымчанка) Гаян».

Предлагаю вниманию читателей несколько пословиц и поговорок из книги «Доброе слово — что весенний день».

Вдохнуть всем миром — ветер поднимается.
Вино выбирать по вкусу, а девушку — застенчивую.
Вода очищает тело, а слезы — душу.
В огаре заелся волк — горе тому у кого одна овца.
Громче всех петух поет в своем курятнике.
Груша, поспевшая летом, не видит осени.
Кто под добрым станет деревом, доброй осенится тенью.
Меч не делает того, что делает хлеб.

В ближайшее время в Ростовском книжном издательстве выйдет новая повесть Николая Егорова «Осенние костры». Действие происходит в сентябре сорок первого, в окружении. Предлагаем вниманию читателей небольшой отрывок.

Ниже по реке в крутом обрыве была узкая выемка. По ней и выбрался из рудника.

За неровным пустырем лежало скошенное поле, а дальше — роща. Представлялось, как сухо, светло и свежо в роще, как здорово будет, когда удастся втянуться в нее, уйти из-под неба, с просторного поля в яркую и спящую гущину!

Это кратчайший путь к роще.

В первый момент обманулись все — всем показалось, что упрямый шум моторов рождается где-то позади. Или позади и сверху. «Самолеты!» — подумал Владимир. Он оглянулся — от речки ушли порядочно, под обрывом спрятались не успеешь. А до рощи не добежишь. На открытом месте разбомбит, расстреляют...

— В роще танки! — крикнул Балаян. — Я разворачиваюсь здесь! А вы к грейдеру выбрасывайтесь! Коней — к речке!

— Взвод! Вперед, бегом — марш! — скомандовал Степанчиков и побежал к грейдеру.

Перед дорогой была глубокая канава. Михаил спрыгнул в канаву. Владимир — за ним.

В это время из-за угла вылетел мотоцикл, резанула пулеметная очередь. Мотоцикл развернулся и исчез за рощей.

Установилась тишина, порой прерываемая ревом моторов. Странно они шумели: в несколько голосов принимались завывать, а потом затихали совсем или чуть слышно тарыхтели. Не поймешь, сколько их там, к чему они готовятся.

Наконец, притираясь к уступу, чуть высунулся танк, выстрелил. Снаряд упал и взорвался на пустире, и в стороне от батареи Балаян не ожидая ответного выстрела, танк поплыл.

У грейдера

И — как не было его.

— Так, — задумчиво произнес Мишка. — Так, значит... Он победил вдоль канавы. — Шеметилло, у тебя граната была? Где она? — А тебе зачем? — Давай сюда! Я связку сделаю.

А метрах в трехстах от вздулся и разорвался перед ведущим танком. Не успела осесть выброшенная взрывом земля, как раздался второй выстрел. Бутон вздулся перед танком, и машину развернуло — боком к грейдеру. После третьего выстрела над танком всплеснул черный дым, как густые волосы, прохаживавшие ленточками пламени — Молодец, Балаян! — завопил Муквич. — Еще давай!

Чем давать? Чем давать?

Балаян кричал в телефонный аппарат, и казалось, что вопрос был обращен не только к Муквичу, но и к пушкарям на огневой позиции.

Танки весь свой огонь перенесли на батарею Балаяна.

Батарея отвечала редкими выстрелами. Одна из пушек лежала на боку, и ни души не было возле нее.

Четвертая танков достигла грейдера и покатила по нему на восток. Из-за склона показалась еще одна группа танков — они тоже понеслись к грейдеру. За танками в полной скорости помчался грузовик. И снова — танки...

Муквич, непрерывно растерянный, сидел на земле, под локоть поддерживая левую руку. Онувшись на одно колено, Степанчиков переязывал младшего политрука. Лейтенант Балаян, черный, с глубокими кругами в глазах, наблюдал эту процедуру и докладывал, что у него осталась одна пушка, что снарядов нет, но людей на расчет хватит. Муквич кивал — все слышал — а смотрел на руку, будто не узнавал ее.

Балаян огня не открывал. Танки приближались и точно сдвигались, спрессовывали воздух между собой и взводом. В канаве, и в этом воздухе и в нервах возник какой-то неземной звон — от него тяжелели веки и руки.

Вырвалась из-за склона и пошла к грейдеру и вторая группа танков.

И выстрелила одна из пушек Балаяна. Черный бутон вздулся и разорвался перед ведущим танком. Не успела осесть выброшенная взрывом земля, как раздался второй выстрел. Бутон вздулся перед танком, и машину развернуло — боком к грейдеру. После третьего выстрела над танком всплеснул черный дым, как густые волосы, прохаживавшие ленточками пламени — Молодец, Балаян! — завопил Муквич. — Еще давай!

Чем давать? Чем давать?

Балаян кричал в телефонный аппарат, и казалось, что вопрос был обращен не только к Муквичу, но и к пушкарям на огневой позиции.

Танки весь свой огонь перенесли на батарею Балаяна.

Батарея отвечала редкими выстрелами. Одна из пушек лежала на боку, и ни души не было возле нее.

Четвертая танков достигла грейдера и покатила по нему на восток. Из-за склона показалась еще одна группа танков — они тоже понеслись к грейдеру. За танками в полной скорости помчался грузовик. И снова — танки...

Муквич, непрерывно растерянный, сидел на земле, под локоть поддерживая левую руку. Онувшись на одно колено, Степанчиков переязывал младшего политрука. Лейтенант Балаян, черный, с глубокими кругами в глазах, наблюдал эту процедуру и докладывал, что у него осталась одна пушка, что снарядов нет, но людей на расчет хватит. Муквич кивал — все слышал — а смотрел на руку, будто не узнавал ее.

МОГУЧАЯ ВЕТВЬ ДРЕВА ПОЭЗИИ

Передо мной свежее, так знакомо пахнущее типографской краской листы очередной второй книжки журнала «Дон» за этот год. В который раз перечитываю поэтический отдел журнала и, готовивший эти стихи к печати, не могу отказать себе в удовольствии еще раз остановиться на лучших строчках. Вот переводы стихов Размика Давояна «Звартноц» и два я пробегая глазами это слово, как тут же мысленно слышу его.

Кажется, совсем недавно с группой армянских и донских писателей ездил я по районам области, с жаждой восточных областей, как писал один ростовский поэт, в «гремячий» кишлок армянской речи, в его повторное звучание, поэтично созданное для самой поэзии.

Читает стихи Сильва Катутикия, Георг Эмин, Давид Дурян, Размик Давоян. Это было в Чалтыре. Люди, сидевшие в зале, понимали, конечно, каждое слово армянских поэтов. Но я, думаясь, русскоязычные переводы этих стихов, все же интуитивно чувствовал, как много упущено, как много осталось за пределами перевода, ибо перевод никогда не бывает полным, он всегда — потеря чего-то главного, неповторимого в глубине ли, в интонации ли, в обаянии оригинала. Недавно я перечитывал «Сто и один айрен» Наалета Кучака и с интересом сравнивал по подстроичкам, помещенным в конце книги, переводы, выполненные выдающимися мастерами перевода. Огромная, любовно сделанная работа. И все же — как много потерял, неточностей, я бы сказал — приближенности. Да, не все подается даже самому искусному переводу. Недаром А. Блок, по несколько раз подходил к переводу того или иного стихотворения Аветика Исаакяна, на одной из проб стихотворения «И в мире — дивная тварь...» написал: «Неповторимый труд — всех слов в этот размер — не уместить». И это — великий Блок!

В разные годы «Дон» познакомил своих читателей с новыми переводами ранних стихов Е. Чаренца, со стихами о Ереване Г. Борина, с новыми произведениями А. Граши, В. Давтяна, С. Катутикия, А. Сарьяна, Г. Эмина, О. Шираза.

В отделе поступают гранки поэтического раздела очередного номера «Дона», среди которых и мои переводы стихов Аршалуйс Маргарян, — акварельного лирика, недостаточно еще хорошо знакомого русскому читателю. И я рад, что мои скромными усилиями восполняется этот пробел: недавно два моих перевода ее стихов представила читателям «Литературная газета», а теперь — «Дон».

Я составил: жизнь подарила великое чудо соприкосновения с армянской поэзией, самобытной, неповторимой, древней, как ее седые камни, обогащающей неуязвимой молодостью ее современных мастеров. Меня, как и моих товарищей по донской писательской организации, согревает воспоминания от общения с посланцами Армении на Дону, и я надеюсь, впереди — радость встреч с ними на армянской земле!

Даниил ДОЛИНСКИЙ,
заведующий отделом поэзии, член редколлегии журнала «Дон».

КОЛЫБЕЛЬ

В Армении я не был никогда, Ник-пожилок от родины далече. Гремучий кипиток армянской речи Не обижал отрешенного рта.

Мой прадед в этом городе осел, Переродив, как варено хмельное. Обкатываясь, старился, русел И поначалу становился мясом.

И я по древним звездам не тужу, Не мучусь о взметнувшимся пространстве И девушек медлительных славянским В глаза светло-зеленым взгляду...

Но отчего к моим ушам, вистям Вдруг подступают этот странный ропот, И горных рек ревущие синкопы, И чабанов просторечивый гам!

И кто мне растолкует, почему Природнее к степной зелени становье Мне кажется придуманным присловьем К селению нездоровому тому!

Но выжженный библейский материк Осадевает, клочит, плодоносит. И горсть земли к моим губам подносит Седая мама — добрая майрик...

ИЗ РАЗМИКА ДАВОЯНА

Дождит, Весь день стучит вода по крышам. Дождит, По низким крышам и по тем, что выше. По красным крышам, желтым, белым крышам — Дождит. То яростней, то медленней и тише, На низкие могилы и повые — Дождит. В низины тишины упреком слыше — Дождит печаль, глаза полужакривши. Дождит.

ИЗ ГЕВОРГА ЭМИНА

Быть может, я союзников найду, А может быть, пушу слова на ветер... Но в равной мере подлежат суду Убийца и бесчувственный свидетель: Гвоздика у гестаповской стелы... За то, что так бесовски аленда, И синь адриатической волны, В пяти шагах от подлого расстрела, И лунный серп, прильнувший к облакам, Бесстыдно льющийся свет из отдаленя На грозный отголоски армянской селеня. И словом, поющей все элончей Под боком у осененных печей, И ветром, без малейшего разлада, Включившие залпыистым рудадом, И лист бумаги, спящий мирным сном, Хотя исписан кэтом и лгуном, И небо — над руиной — голубое. А может быть, и многое другое...

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

По дороге от Базков до Вешек Я услышал журавлиный крик, И сказал меня к парому веселью На сохскомном газике старик: «Журавлика делится печалью, Чует беспоконный перелет: Слышишь, точно при смерти Наталья Деток на прощание зовет...» Больше мы не говорим ни слова, И нужны ли здесь еще слова, Если вдруг припомнишь снова Эту боль, что с детских лет жила,

Это неприкаянное горе, Этой жизни скончанный конец... И молчишь ты, как молчал Григорий, Вспомнишь скорбь обиженных сердец, И встает — страница за страницей — Эпопея давшей той войны, И притихшей кажется страница С противоположной стороны, И смолкает крики журавлины, И пересекает наш паром Тихий Дон, давно уже не тихий, В переносном смысле и прямом,

На снимках: книги, выпущенные Ростовским книжным издательством. Наряду с именами признанных мастеров слова имена тех, кто написал свою первую книгу. «Зерна» — так называется сборник произведений молодых авторов.

Донские дали.

ПЕРЕВОДЫ

Наш дом

Наш дом стоял у леса, прислонен К тропинке, что вела к покоям птичьим. Трель жаворонка там была лесничим, И радуга вела на небосклон.

Лес полон был поющей синевы От нежных арф его ветвей звучащих. Имел он форму к небу восходящим, Листья зеленых ливней и травы.

Корова на лугу

Там, на лугу, в росе, у облачных стогов, Что, не прыгнув травы, клубилась без предела, Она держала синь на дугах двух рогов, Смотрела на простор, на тишину смотрела.

О, сколько счастья в нем, беспечном существе! Что мой трепетный век! Великие тревоги Лить только чтобы-тишь, чтоб-сонность в мураве, Чтоб белым молоком ложилась земля в ноги! Перевел Даниил Долинский.

